
Марина Баранцева
Избушка на краю себя. 24. Исход
18+

Марина Баранцева

Избушка на краю себя. 24. Исход

Серия «Книги перехода», книга 2

https://litres.ru/73531784
SelfPub; 2026

Аннотация

Восемь книг из нового цикла Избушка на краю себя. Книги перехода это путешествие по самым глубоким вопросам человеческого существования. Откуда мы приходим? Как нам жить? Куда мы уходим? Почему мы страдаем? Как быть свободным в оковах? Можно ли исцелить раны целых народов? И что, если тьма тоже выбор?

На эти вопросы нет готовых ответов. Есть только избушка на краю леса, ее хозяйка Агата, мудрый кот Котофей и вереница душ, ищущих свет. Философские притчи, обернутые в тепло народных сказок. Для тех, кто потерял опору. Для тех, кто боится смерти. Для тех, кто хочет верить, что даже в самой темной ночи есть смысл.

Марина Баранцева
Избушка на краю себя. 24. Исход

КНИГА «ИСХОД»
Избушка на краю себя. Книга двадцать четвёртая.

ПРОЛОГ: «Тишина, в которой гаснут звёзды»

В ту ночь избушка не спала.

Не потому что бодрствовала – потому что **слушала**.

Воздух стал густым, как мёд, но не липким – прозрачным. Сквозь него каждый звук проходил медленно, тяжело, будто нёс на себе груз, которого раньше не было. Даже дыхание Котофея, обычно ровное и глубокое, теперь звучало иначе – с лёгким, едва уловимым перекатом, как дальний гром за горизонтом.

Агата проснулась оттого, что тишина стала **петь**.

Она села на лежанке. В избе было темно, но темнота эта была не пустой – она светилась изнутри. Не глазами – кожей Агата чувствовала: здесь кто-то есть. Много «кто-то». Тысячи невидимых присутствий заполняли пространство, и каждое из них было тихим, вежливым, ждущим.

– Котофей, – позвала она шёпотом.

Кот не ответил. Он сидел на подоконнике, глядя в окно, и его силуэт был напряжён, как струна. Агата встала, подошла к нему, выглянула наружу – и замерла.

Небо умирало.

Нет, не в страшном смысле – оно **гасло**. Звёзды, которые всегда горели ровно и вечно, одна за другой теряли свет. Не падали, не срывались вниз – именно гасли, как свечи, которые кто-то невидимый тушил мягким, бережным движением.

И в этом угасании не было трагедии. Было величие.

– Что это? – прошептала Агата.

– Тишина, – ответил Котофей. Голос его звучал негромко, но в нём слышалось эхо, которого раньше не было. – Та самая, в которой гаснут звёзды.

– Звёзды не гаснут, – возразила Агата, хотя сама видела обратное.

– Звёзды – да. Но эти не звёзды. – Кот повёл ухом в сторону неба. – Это души. Те, кто завершил. Те, кто сейчас уходит.

Агата всмотрелась в темнеющий небосвод. И вдруг поняла: там, где только что горел свет, теперь оставалась не пустота – оставался след. Тонкое, едва заметное свечение, которое не исчезало, а медленно, очень медленно впитывалось в небо, как вода в сухую землю.

– Куда они уходят? – спросила она.

– Не знаю. – Котофей впервые за долгое время признался в незнании. – Я вижу это впервые. Но чувствую… – Он за-

молчал, прислушиваясь к чему-то внутри себя. – Чувствую, что они идут туда же, откуда пришли. Замыкают круг.

За их спинами скрипнула половица. Агата обернулась.

На пороге избы стояла Бабушка-Пряха. Не такая, как всегда, – прозрачная. Почти невесомая. Сквозь неё просвечивали стены, полка с ключами, спящая печь.

– Ты… – начала Агата.

– Я ещё здесь, – улыбнулась Пряха. – Но уже одной ногой там. Пришла попрощаться.

У Агаты перехватило дыхание.

– Ты уходишь?

– Все уходят, – просто сказала Пряха. – Даже те, кто прядет нити. Даже те, кто кажется вечным. Просто мой черёд подошёл.

Она вошла в избу – легко, не касаясь пола. Села за стол, положила перед собой веретено. Оно было тёмным, безжизненным, впервые за всё время знакомства.

– Я пряла всю жизнь, – сказала Пряха. – Нити судеб, нити выборов, нити переходов. А теперь моя нить дошла до конца. И я хочу, чтобы ты знала: то, что ты видишь сейчас в небе – это не смерть. Это возвращение.

– Возвращение куда?

– Туда, откуда всё начинается. В тишину. В ту самую, из которой однажды прозвучал первый Зов.

Агата смотрела на неё и чувствовала, как внутри поднимается что-то огромное, тёплое, горькое и сладкое одновре-

менно.

– Я не готова тебя отпустить, – сказала она.

– Ты никогда не готова, – улыбнулась Пряха. – Никого не готовы отпускать. Но это не отменяет ухода.

Она протянула руку, и на её ладони появился ключ. Не такой, как те, что лежали на полке. Этот ключ был соткан из света – прозрачного, переливающегося, живого.

– Возьми, – сказала Пряха. – Это ключ от моего перехода. Когда придёт время – ты поймёшь, что с ним делать.

Агата взяла ключ. Он был тёплым, почти горячим, и в нём пульсировал ритм – медленный, глубокий, как дыхание спящего леса.

– Я увижу тебя ещё? – спросила она.

– Увидишь, – пообещала Пряха. – Но уже по-другому. Не как Бабушку-Пряху – как часть той тишины, в которую я ухожу.

Она встала, подошла к порогу. Обернулась.

– Ты знаешь, что тебе делать дальше, – сказала она. – Вопросы уже зреют в тебе. Ответы придут. И помни: каждый уход – это не конец. Это настройка частоты перед новым входом.

И она растворилась.

Не исчезла – именно растворилась, как тают облака на рассвете, как гаснут звёзды в предчувствии утра.

Агата осталась стоять на пороге, сжимая в руке прозрачный ключ.

В небе одна за другой продолжали гаснуть звёзды.

– Их много, – тихо сказал Котофей. – Очень много. Тех, кто уходит сегодня.

– И тех, кто войдёт завтра, – отозвалась Агата.

Она посмотрела на ключ в своей руке. Он пульсировал в такт её сердцу.

Где-то там, в Зале Эха, миллионы душ только что начавших свой путь, ждали, когда их услышат. А здесь, на пороге избушки, одна женщина готовилась услышать их всех.

Запись в гримуаре Агаты (утренняя, наспех, дрожащей рукой):

«Этой ночью небо гасило звёзды. Я видела это своими глазами. Они уходили тихо, без боли, без крика – просто переставали светить, оставляя после себя тёплый след.

Бабушка-Пряха ушла. Впервые за всё время я осталась без неё. Она дала мне ключ – прозрачный, как слеза, и тёплый, как живая ладонь. Сказала, что это ключ от её перехода. И что каждый уход – это настройка частоты перед новым входом.

Я не понимаю до конца. Но чувствую: начинается что-то огромное. Что-то, о чём мы никогда не говорили вслух. О том, как мы уходим. О том, что забираем с собой. И о том, как наше последнее дыхание становится первым словом новой песни – для тех, кто ещё ждёт своего часа.

Котофей сказал, что этой ночью он слышал, как поют уходящие. Не жалобно – торжественно. Как хор перед финалом великой симфонии.

Я положу ключ Пряхи на полку. Рядом с берестяной колыбелькой. Рядом с ключом Нади. Рядом с ключом моей внучки. Теперь здесь будет храниться не только память о тех, кто вошёл, но и память о тех, кто вышел.

P.S. Котофей сказал: „Если Пряха ушла, значит, скоро начнётся самое интересное. Она всегда уходила вовремя, чтобы дать место новому". Я спросила, откуда он знает. Он сказал: „Я кот. Я знаю такие вещи. И вообще, у меня есть подозрение, что моя следующая жизнь будет не кошачьей". Я не стала спрашивать, что это значит. Боюсь ответа».

ГЛАВА 1. ТЕ, КТО СТОИТ НА ПЕРРОНЕ

Утро после ночи угасающих звёзд было непохожим на все предыдущие.

Солнце взошло, но светило как-то иначе – мягче, словно извиняясь за то, что вообще посмело взойти после такой ночи. Птицы молчали. Даже ветер, вечный непоседа, затаился где-то в кронах и не шевелил ветви.

Агата вышла на крыльцо с кружкой чая и замерла.

Лес изменился.

Он был всё тем же – сосны, ели, берёзы, – но между деревьями висела **дымка**. Не туман, не испарения – именно дымка, полупрозрачная, чуть светящаяся, и в ней, как в во-

де, плавали тени.

Тени были разными. Одни – отчётливые, почти плотные, другие – едва заметные, тающие на глазах. Они не двигались целенаправленно – скорее текли, как рыбы в аквариуме, повинуясь неведомому течению.

– Это они, – раздался голос за спиной.

Котофей сидел на перилах, вцепившись когтями в дерево так, будто боялся упасть в эту дымку и раствориться сам.

– Кто? – спросила Агата.

– Те, кто вчера ушёл. Они ещё здесь. Прощаются.

– С кем?

– Со всем. – Кот обвёл лапой горизонт. – С лесом, с небом, с запахами. С жизнью, которую прожили.

Агата всмотрелась в ближайшую тень. Она была похожа на старуху – сгорбленную, с клюкой, но клюка эта была не настоящей, а сотканной из той же дымки, что и всё вокруг. Старуха стояла под старой сосной и гладила её кору – долго, бережно, будто прощалась с самым родным существом.

– Бабушка-Пряха, – выдохнула Агата.

– Нет, – покачал головой Котофей. – Та была другой. Это просто… одна из ушедших. Их много. Очень много. Целое море.

Агата спустилась с крыльца и сделала шаг в дымку.

Воздух стал плотным, почти осязаемым. Он обтекал тело, как тёплая вода, и в нём слышались звуки – не ушами, а кожей. Шёпоты, вздохи, обрывки мелодий, чьи-то негромкие

голоса, перебирающие прожитое, как чётки.

– Здравствуй, – сказала она вслух.

Тени замерли. Повернулись к ней. У них не было лиц, но Агата чувствовала – на неё смотрят. Тысячи невидящих, но видящих всё глаз.

– Ты их слышишь? – шёпотом спросил Котофей, который всё-таки спрыгнул с перил и прижался к её ноге.

– Да.

– И что они говорят?

– Ничего. Они просто… есть.

Самая плотная тень – та, что напоминала старуху, – отделилась от сосны и шагнула к Агате. Подошла близко, почти вплотную. И вдруг заговорила.

Голос был тихим, скрипучим, как половица в старом доме, но в нём слышалась такая глубина, что у Агаты перехватило дыхание.

– Ты видишь нас, – сказала тень. – Это хорошо. Значит, пора.

– Пора – что?

– Провожать. Мы уходим не сразу. Сначала мы прощаемся. Ходим по местам, где жили, дышим воздухом, который вдыхали, смотрим на тех, кого любили. А потом… – она запнулась. – Потом приходит время идти дальше. Но без провожатых нельзя. Можно заблудиться. Застрять между.

– И вы ищете провожатых?

– Мы ищем **тех, кто видит**. Ты видишь. Значит, ты – про-

водник.

Агата вспомнила ключ Пряхи. Он лежал на полке, тёплый, пульсирующий, и теперь его пульсация совпадала с биением её сердца.

– Я не умею, – честно сказала она.

– Научишься, – ответила тень. – Все проводники сначала не умели. А потом учились. Потому что кто-то должен.

Она протянула руку – прозрачную, почти невесомую – и коснулась ладони Агаты.

Холод. Но не ледяной – тот особенный холод, который бывает в горах на рассвете, когда солнце вот-вот взойдёт, но ещё не взошло, и воздух звенит от предчувствия.

– Запомни меня, – сказала тень. – Я – Анисья. Жила в этих лесах восемьдесят лет. Родила четверых, похоронила троих, любила одного. Всю жизнь. Теперь иду.

– Куда?

– Не знаю. Туда, где меня ждут. Или не ждут – всё равно. Главное – идти.

Она отпустила руку Агаты и поплыла дальше, к другим теням, к другим соснам, к другим прощаниям.

Агата стояла в дымке, и слёзы текли по её щекам. Она не знала, почему плачет – от холода, от красоты, от величия этого момента.

Котофей ткнулся носом в её ногу.

– Их много, – сказал он. – Очень много. И с каждым днём будет больше.

– Почему?

– Потому что мир меняется. Потому что пришло время. Потому что мы стоим на пороге чего-то, чего никогда не видели.

– И что нам делать?

– То же, что всегда. – Кот посмотрел на неё жёлтыми глазищами. – Светить. Ждать. Провожать. И записывать. Чтобы другие знали.

Они вернулись в избу. Агата села за стол, открыла гримуар. Перо дрожало в руке.

– С чего начать? – спросила она.

– С начала, – сказал Котофей. – С того, что видела. С той, что назвалась Анисьей. С дымки, в которой плавают тени. И с вопроса, который ты теперь носишь в себе.

– Какого вопроса?

– Откуда мы знаем, что пора? И как не заблудиться между?

Агата кивнула и начала писать.

Запись в гримуаре Агаты:

«Сегодня я впервые вошла в дымку. Там плавали тени – те, кто ушёл этой ночью. Они ещё здесь, прощаются с лесом, с небом, с жизнью.

Ко мне подошла одна – назвалась Анисьей. Сказала, что я теперь проводник. Потому что вижу. Потому что пора.

Я не знаю, как это делается. Но знаю, что отказываться нельзя. Потому что кто-то должен.

Самое странное: они не плачут, не жалуются, не просят о помощи. Они просто… есть. И ждут. Чего? Может быть, того самого момента, когда дымка рассеется и откроется проход.

Ключ Пряхи на полке пульсирует сильнее. Он греет мне спину, даже когда я сижу к нему спиной. Он зовёт.

Я боюсь. Но это не тот страх, от которого хочется бежать. Это тот страх, от которого хочется идти вперёд. Потому что за ним – что-то очень важное.

P.S. Котофей сказал, что дымка пахнет сметаной. Я сказала, что у него навязчивая идея. Он сказал, что у котов не бывает навязчивых идей, бывают только правильные приоритеты. Поспорили. Я проиграла. Пришлось дать ему сметаны».

ГЛАВА 2. ТЕ, КТО НЕ УСПЕЛ

Они пришли на закате.

Не тени – живые люди. Двое: женщина лет сорока и старик, которого она вела под руку. Женщина была напряжена, как струна, старик – наоборот, слишком расслаблен, будто ему было всё равно, куда и зачем его ведут.

– Вы Агата? – спросила женщина, переступая порог. – Мне сказали, вы помогаете.

– Кто сказал?

– Не важно. – Женщина махнула рукой. – Важно, что мы не знаем, что делать.

Она усадила старика на лавку. Тот сел, уставился в одну точку и замер. В его глазах не было ни боли, ни страха, ни радости – только бесконечная, мутная пустота.

– Это отец, – сказала женщина. – Егор. Восемьдесят три года. У него деменция. Последняя стадия. Он уже не говорит, не ест почти, не узнаёт никого. Врачи сказали – дни сочтены. Но он… – голос её дрогнул. – Он не уходит. Третий месяц мучается. И мы мучаемся. Я не знаю, что делать. Молиться, чтобы умер? Стыдно. Держать его любой ценой? Жестоко.

Агата подошла к старику, села рядом. Всмотрелась в его глаза.

Они были пустыми. Но в этой пустоте, на самом дне, что-то мерцало. Едва заметно, как дальняя звезда в самую тёмную ночь.

– Он не здесь, – тихо сказала Агата.

– Где же он?

– Не знаю. Но не здесь. Тело здесь, а он… ушёл. Или почти ушёл. Застрял на пороге.

Котофей спрыгнул с печи, подошёл к старику, понюхал его руку. И вдруг зашипел – тихо, предупреждающе.

– Что? – обернулась Агата.

– Он не просто застрял, – сказал кот. – Он **боится**.

– Чего?

– Того, что там. Он видит что-то такое, от чего волосы дыбом встают. И не хочет идти. Поэтому держится за тело. Даже пустое.

Агата закрыла глаза и попыталась услышать.

Сначала было тихо. Потом – далёкий, едва уловимый шум. Потом – голоса. Много голосов, кричащих, плачущих, зовущих. И среди них – один, самый громкий, самый страшный.

Голос, полный гнева.

– Ты слышишь? – спросила она старика.

Тот не ответил. Но его рука, лежавшая на колене, дрогнула.

– Он слышит, – сказал Котофей. – Он всё слышит. И боится.

Агата открыла глаза и посмотрела на женщину.

– Расскажите, – сказала она. – Всё. Как он жил. Кого любил. Кого ненавидел. С кем не простился.

Женщина заплакала.

– Он был злым, – сказала она. – Всю жизнь злым. На маму, на меня, на весь мир. Ругался, кричал, никого не жалел. Мама ушла от него, когда мне было десять. Я осталась – жалела. А он… он так и не простил её. И меня не простил, что я похожа на неё.

– Он умер в гневе?

– Он ещё не умер, – всхлипнула женщина. – Но он всё

ещё злится. Даже сейчас, когда не говорит и не двигается, я чувствую эту злость. Она из него так и прёт.

Агата вспомнила свой сон. Вокзал. Души, получающие пропуска. Хранитель, говорящий: «Если ты умер в гневе – ты услышишь гневные песни и пойдёшь на них».

– Он потому и не уходит, – сказала она. – Он знает, что там, за порогом, его ждёт эхо его собственной злости. Он боится услышать то, что сам накричал за жизнь.

– И что же делать? – спросила женщина. – Как ему помочь?

– Простить.

– Кого?

– Его. Себя. Ту, что ушла. Всех, на кого он злился. Простить – и попросить прощения. Даже если он не слышит.

Женщина смотрела на неё с ужасом.

– Я не могу, – прошептала она. – Я сама на него зла. За всё детство, за все слёзы, за то, что не был отцом.

– Тогда он останется здесь, – сказала Агата. – Навсегда. Застрянет между мирами и будет мучиться вечность. А ты будешь мучиться рядом.

В избе повисла тишина. Только старик дышал – редко, тяжело, с хрипом.

Женщина встала, подошла к отцу, села перед ним на колени. Взяла его безжизненные руки в свои.

– Папа, – сказала она. – Я… я прощаю тебя. За всё. За детство, за злость, за то, что не любил. Просто… прощаю. И

ты меня прости, если сможешь. За то, что не смогла любить тебя таким.

Слёзы текли по её лицу, падали на его руки, но он не реагировал.

И вдруг – вздох.

Не тот, которым дышат, а тот, которым прощаются.

Глубокий, долгий, последний.

Старик открыл глаза. Впервые за много дней – открыл и посмотрел на дочь. Не пустотой – теплом. И улыбнулся.

– Машенька, – сказал он. – Прости меня.

И закрыл глаза.

– Он… – женщина не договорила.

– Ушёл, – сказала Агата. – Услышал.

Она подошла к окну. Там, в дымке, которая сгущалась с каждой минутой, плыла новая тень. Мужская, сгорбленная, но уже не злая – удивлённая. Она плыла в сторону леса, оглядываясь на избу, и в её очертаниях угадывалась благодарность.

– Смотри, – сказала Агата Котофею.

– Вижу, – кивнул кот. – Успел.

– Благодаря ей.

– Благодаря любви, – поправил Котофей. – Которая сильнее злости. Даже запоздалой.

Запись в гримуаре Агаты:

«Сегодня ко мне пришли дочь с умирающим отцом. Он застрял на пороге, потому что боялся уйти в ту частоту, которую сам создал – частоту гнева. И она, его дочь, смогла его отпустить. Прощением.

Я увидела, как это работает: если человек уходит, не простив и не простившись, он попадает не в тишину, а в эхо собственной злости. И это эхо становится его тюрьмой. Он слышит только крик – и идёт на него, снова выбирая такую же жизнь, такую же боль.

Но если перед уходом случается прощение – даже в последнюю секунду – частота меняется. Гнев уходит. Остаётся удивление: „Так вот оно как? Так можно было по-другому?"

Егор ушёл. Я видела его тень в дымке – она была уже не злой, а лёгкой. Он успел.

P.S. Котофей после ухода гостей долго молчал. А потом сказал: „Я вот думаю, если я умру и не допью свою сметану, я тоже застряну между мирами?" Я сказала, что сметана – не тот якорь, который держит душу. Он сказал: „Для кота – самый тот". Пришлось пообещать, что если он умрёт, я положу в его миску сметану, чтобы душа была спокойна. Он успокоился и уснул».

ГЛАВА 3. ТЕ, КТО НЕ ЗНАЛ

Они пришли на рассвете, когда дымка была самой густой.

Агата вышла на крыльцо с кружкой чая и увидела их сразу – две тени, стоявшие у старой сосны. Не такие, как вчераш-

ние. Эти были растерянными. Они не плыли, не прощались с лесом – они просто стояли и смотрели на свои руки, на траву под ногами, друг на друга, и в их движениях не было покоя – было недоумение.

– Эти не знают, – сказал Котофей, появляясь рядом.

– Чего не знают?

– Что умерли.

Агата поставила кружку и шагнула в дымку.

Воздух сгустился, обтекая тело теплом. Тени не обернулись – они были слишком заняты собой. Агата подошла ближе и разглядела их: парень и девушка, лет по двадцать пять, в одежде, которая дымилась – нет, не дымилась, мерцала, как изображение на старой плёнке.

– Вы кто? – спросила Агата.

Парень поднял голову. Лицо у него было красивое, но какое-то… недоделанное. Будто художник не успел прописать детали.

– Я – Сергей, – сказал он. – А это Лена. Мы… – он оглянулся. – А где мы?

– Вы не знаете?

– Мы ехали на машине, – вмешалась девушка. Голос у неё звенел, как стекло. – Был дождь. Потом свет. Очень яркий. А потом… мы здесь. Что это? Больница? Мы в коме?

Агата посмотрела на их руки – сквозь них просвечивала сосна.

– Вы не в коме, – тихо сказала она. – Вы умерли.

Тишина повисла такая, что было слышно, как падают иголки с сосны.

– Этого не может быть, – сказал Сергей. – Мы просто… мы просто ехали. У нас была вся жизнь впереди. Мы хотели пожениться. Детей завести. Дом построить.

– Я чувствую, – прошептала Лена. – Я ничего не чувствую. Ни боли, ни холода. Только… пустоту. И его вижу. И тебя вижу. А себя – нет.

Она посмотрела вниз и закричала.

Тихо, без звука – но дымка вздрогнула.

Сквозь её прозрачные ноги росла трава.

– Не надо кричать, – сказала Агата. – Это не поможет. Лучше вспомните последнее, что было.

Сергей закрыл глаза. Лена прижалась к нему – сквозь неё было видно ствол сосны.

– Дождь, – сказал Сергей. – Сильный дождь. Лена спала на заднем сиденье. Я вёл машину. Потом – свет. Фары встречной. Я вывернул руль, чтобы не врезаться в неё, и мы… мы…

– В дерево? – подсказала Агата.

– Не помню. Помню только свет. И тишину. А потом мы здесь.

– И сколько вы здесь?

– Не знаем. Времени нет. Может, минута. Может, вечность.

Агата смотрела на них и чувствовала, как сердце разрывается от жалости. Такие молодые, такие живые ещё – и уже

не живые. И не знают, куда идти.

– Что нам делать? – спросила Лена. – Куда идти? Я не хочу уходить. Я не готова.

– Никто не готов, – сказала Агата. – Но вы уже ушли. Теперь надо идти дальше.

– Куда?

– Туда, где свет. Не тот, от которого вы ослепли в машине, – другой. Тихий, тёплый, зовущий.

– Я не вижу никакого света, – сказал Сергей.

– Закрой глаза.

Он закрыл.

– А теперь слушай. Не ушами – всем, что осталось. Там, далеко, есть мелодия. Очень тихая. Она ждёт.

Сергей молчал долго. Потом его лицо изменилось.

– Слышу, – прошептал он. – Как будто… как будто мама поёт колыбельную.

– Это оно. Иди на этот звук.

– А Лена? Я без неё не пойду.

– Она тоже услышит. Если захочет.

Лена закрыла глаза. Но через минуту открыла – в ужасе.

– Я не слышу, – сказала она. – Там только шум. Много шума. Крики, плач, кто-то зовёт на помощь. Я боюсь.

Агата вздрогнула.

– Ты боишься не просто так, – сказала она. – Ты уходила не в покое. Ты уходила в страхе. Последнее, что ты помнишь, – страх. И он остался с тобой.

– Что же мне делать?

Агата вспомнила вчерашнего старика. Прощение. Но здесь другое. Здесь не прощать – здесь отпускать страх.

– Вспомни что-то хорошее, – сказала она. – Самое хорошее, что было в твоей жизни.

Лена зажмурилась.

– Он, – сказала она. – Серёжа. Наша первая встреча. Он подарил мне ромашку, глупую, полевую, а я её до сих пор храню. Засушенную.

– Вспоминай дальше. Подробно. Как пахло, как светило солнце, как он улыбался.

Лена вспоминала. И по мере того как она вспоминала, её тень становилась плотнее, теплее, а дымка вокруг неё светлела.

– Я слышу, – вдруг сказала она. – Ту же мелодию. Мамину. Но это не мама. Это… это любовь.

– Иди, – сказала Агата. – Вдвоём. Вы теперь одно.

Сергей взял Лену за руку. Сквозь их пальцы проходил свет.

– Спасибо, – сказали они одновременно.

И растворились.

Не исчезли – именно растворились, как тает утренний туман под лучами солнца. Только тёплое, золотистое свечение ещё висело в воздухе несколько мгновений, а потом впиталось в дымку.

Агата стояла под сосной и плакала.

Котофей подошёл, ткнулся носом в её ногу.

– Тяжело? – спросил он.

– Тяжело, – призналась Агата. – Они такие молодые. У них была вся жизнь.

– У них была вся жизнь, – согласился кот. – Они её прожили. Кто сказал, что жизнь измеряется годами? Она измеряется любовью. Посмотри – они ушли вместе, держась за руки. Не все, кто живёт до ста, так уходят.

Агата вытерла слёзы.

– Ты прав. Но как же те, кто уходит в страхе? Кто слышит только шум?

– Для того ты здесь, – сказал Котофей. – Чтобы напоминать им о ромашках.

Запись в гримуаре Агаты:

«Сегодня я встретила двоих, кто не знал, что умер. Молодые, влюблённые, они разбились на машине и застряли между мирами, потому что не поняли, что случилось.

Она уходила в страхе и слышала только шум – крики, плач, чьи-то зовы о помощи. Он уходил в заботе о ней и слышал тихую мелодию.

Я научила её вспоминать. Вспоминать самое светлое, что было в жизни. И страх отступил, потому что любовь оказалась сильнее.

Они ушли вместе. Держась за руки.

Я думаю о том, сколько таких „не знающих" бродит сейчас в дымке. Тех, кто умер внезапно, во сне, под наркозом, в беспамятстве. Они не понимают, что случилось, и мечутся, не находя выхода. Их души становятся теми самыми „застрявшими", о которых говорят старые легенды.

Теперь я знаю: им нужно не прощение – им нужно напоминание. Напоминание о любви, которая была в их жизни. Даже самой маленькой. Даже давней. Любовь – это компас, который всегда показывает домой.

P.S. Котофей после ухода пары долго смотрел на небо. А потом сказал: „А знаешь, я бы хотел уйти во сне. Чтобы не заметить. Проснуться – а уже там". Я спросила: „И что бы ты взял с собой?" Он подумал и сказал: „Воспоминание о сметане. Самой вкусной". Я сказала, что это слишком приземлённо. Он сказал: „Для кота – самое небесное". И я вдруг поняла: он прав. Каждый берёт с собой то, что любил. Значит, мне нужно любить всё. Всё сразу».

ГЛАВА 4. ТЕ, КТО ЖДАЛ

Прошло три дня.

Дымка не рассеивалась – она сгущалась. Теперь она висела не только в лесу, но и подступала к самому крыльцу, лизала брёвна избы, заглядывала в окна. По ночам в ней мерцали огоньки – тени приходили и уходили, кто-то задерживался надолго, кто-то исчезал сразу, едва появившись.

Агата почти не спала. Она сидела на крыльце с кружкой остывшего чая и смотрела. Просто смотрела. И слушала.

Котофей сидел рядом и тоже смотрел. Иногда он что-то бормотал – то ли разговаривал с тенями, то ли сам с собой.

На четвёртую ночь случилось то, чего Агата ждала и боялась.

Из дымки вышла **она**.

Агата узнала её сразу – по походке, по наклону головы, по тому, как она поправляла несуществующую шаль на плечах.

– Бабушка-Пряха, – выдохнула Агата.

Пряха улыбнулась. Она была почти прозрачной, но в этой прозрачности светилась такая глубина, что у Агаты перехватило дыхание.

– Здравствуй, дочка, – сказала Пряха. Голос её звучал тихо, но в нём слышалось эхо всех ветров, всех времён, всех нитей, которые она когда-то пряла.

– Ты… ты ещё здесь?

– Я здесь. И не здесь одновременно. – Пряха села на крыльцо рядом с Агатой. – Я пришла попрощаться по-настоящему. И сказать то, что не успела.

– Говори.

Пряха посмотрела на небо. Звёзды гасли одна за другой, но на месте погасших зажигались новые – едва заметные, робкие, будто пробующие свет.

– Ты видишь? – спросила она.

– Вижу.

– Это не только уходы. Это и приходы. Каждая погасшая звезда – это душа, которая завершила круг. Каждая новая – та, что только начинает. Они меняются местами. Всегда. Вечно.

– Как нити в твоих руках.

– Как нити. – Пряха кивнула. – Только теперь их прядёшь ты.

– Я? – Агата испугалась. – Я не умею.

– Умеешь. Ты прядёшь их словами. Взглядами. Прикосновениями. Каждый раз, когда ты провожаешь уходящего, ты доплетаешь его нить до конца. И отпускаешь.

Пряха помолчала.

– Я пришла просить тебя об одном.

– О чём?

– Когда настанет мой черёд уйти совсем – не в дымку, а туда, за грань, – будь рядом. Не телом – душой. Просто знай, что я ухожу. И пожелай мне лёгкой дороги.

– Ты же уже ушла, – растерялась Агата.

– Я только начала уходить. Это долгий путь. Дольше, чем жизнь. Сначала ты оставляешь тело. Потом – места. Потом – людей. Потом – память о людях. Потом – себя. Слой за слоем. Пока не останется только чистая нота.

– И что потом?

– Потом – тишина. И в этой тишине – новый Зов.

Агата смотрела на неё и чувствовала, как внутри растёт что-то огромное – не боль, не страх, а благодарность. Бес-

крайняя, как это небо.

– Я буду рядом, – сказала она. – Всегда.

– Знаю. – Пряха улыбнулась и коснулась её руки.

Прикосновение было прохладным, но не холодным – как вода в лесном ручье в самый жаркий день.

– Ещё одно, – сказала Пряха. – Там, в дымке, есть одна. Ждёт тебя. Уже давно. Я обещала, что ты придёшь.

– Кто?

– Увидишь.

Пряха встала и шагнула в дымку. На мгновение её силуэт ещё виднелся среди теней, а потом растворился, смешался с другими, стал частью того огромного, что колыхалось за порогом.

Агата сидела на крыльце и смотрела в дымку.

– Ты пойдёшь? – спросил Котофей.

– Пойду.

– Я с тобой.

– Ты же боишься.

– Боюсь. Но без меня ты там потеряешься. Коты лучше ориентируются в тумане.

Агата улыбнулась и встала.

Они шагнули в дымку вместе.

Запись в гримуаре Агаты:

«Сегодня ко мне приходила Бабушка-Пряха. Прощаться

по-настоящему. Она сказала, что уход – это долгий путь. Сначала тело, потом места, потом люди, потом память о них, потом себя. Слой за слоем. Пока не останется только чистая нота.

Я думаю об этом весь вечер. О том, как мы уходим. Как долго это длится. И о том, что в дымке, оказывается, есть те, кто ждёт именно меня.

Пряха сказала, что одна ждёт давно. Я пойду искать её завтра. Или сегодня. Времени там нет.

P.S. Котофей идёт со мной. Говорит, что без него я потеряюсь. Наверное, прав. Но я всё равно боюсь – не за себя, за него. Коты слишком живые для мира теней. Хотя этот кот… он уже столько жизней прожил, что, наверное, сам кого хочешь проведёт».

ГЛАВА 5. ТА, КТО ЖДАЛА ДОЛЬШЕ ВСЕХ

Дымка была густой, как парное молоко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.